

КОНСТАНТИН ПИГРОВ

Философ

Родился в г. Белогорске Амурской области в 1938 году. Закончил Ленинградский кораблестроительный институт в 1963 году, работал инженером и инженером-исследователем в ЦНИИ им. академика А.Н. Крылова. Преподаёт философию с 1965 года, закончил аспирантуру на философском факультете Санкт-Петербургского государственного университета и с 1974 года работает на кафедре социальной философии. Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии и философии истории СПбГУ. Автор около двухсот научных публикаций, в том числе учебника «Социальная философия» (СПб.,

2005). Сфера интересов: социальная философия, философская антропология, практическая философия, философия техники.

ДНЕВНИК КАК ПОНИМАНИЕ СЕБЯ И «ТЕХНИКИ ПОДЧИНЕНИЯ»

Постановка вопроса

Когда говорят о философском смысле инноваций, то обычно подчёркивают, что в их основе лежит *творчество*, т.е. общепризнанное высшее проявление человеческого самоосуществления, «развитие всех человеческих сущностных сил безотносительно к заранее заданному масштабу»¹. Однако инновации, особенно в современном обществе, всё существование которого зависит от нарастающего потока инновационной деятельности, обнаруживают ряд особенностей, плохо увязывающихся с безоглядным романтическим восхвалением творческой активности. Люди всегда относились к новаторам настороженно. Сводится ли дело только к тому, что индивиды по своей природе в большинстве инертны, склонны «зарывать таланты» и сопротивляются всему новому, — «боятся истории»?

Я полагаю, что если посмотреть на ситуацию не с историцистской точки зрения абсолютной ценности общественного развития, не с точки зрения безусловного приоритета «всемирной истории» перед индивидуальной биографией, а с точки зрения самого индивида, предполагаемого в качестве «удобрения почвы» всемирной истории, то в современной ситуации обнаружится и другая сторона проблемы. Конечно, в рассудочно-эгоистическом противопоставлении «точки зрения самого индивида» было бы так же мало правды, как и в холодном восславлении «всемирной истории». Но мистическое единство человеческого присутствия

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. М., 1968. С. 476.

(Dasein, по Хайдеггеру), задающее действительный горизонт преодоления «субъект-объектной» тяжбы, с позиции индивидуальности «виднее».

Официально восхваляемая «творческая новизна» вызывает негативное отношение к себе простого человека потому, что в скрытой форме несёт в себе производство «техник принуждения». И если это так, то возникает вопрос о тех формах противостояния последним, которые за тысячелетия выработала культура, — о тех формах противостояния инновациям, которые именно сегодня становятся особенно актуальными. М. Фуко назвал эти формы «техниками себя»². Основное предположение данной статьи состоит в том, что ауторефлексия, формируемая в личном (интимном) дневнике, является центральной техникой себя в современном мире. Дневник есть своего рода «противоядие» против интенций насилия и властвования, скрыто существующих не только в государстве, не только в экономике или политике, но и в инновационной активности. Интимный дневник (в единстве со стихией философствования и кристаллизованным сегодня мощным социальным институтом философии) выступает уравнивающим началом по отношению к безудержному продуцированию техник подчинения в развитии современных инноваций.

Сразу надо сказать, что здесь вовсе не обозначается позиция эскапизма или некоего аутизма. Я делаю акцент на том высоком духовном удовлетворении, которое возникает, когда ты *переживаешь понимание* (или *понимаешь переживание*) своей жизни и в связи с этим чувствуешь, что «живёшь не зря», что жизнь твоя органически включена в целостное бытие Универсума, а ты являешь собой незаменимый момент этого бытия. Абстрактно говоря, без тебя, без твоего понимания сам Универсум не может состояться и рухнул бы, даже не «начавшись». Ясно, что понимание вовсе не исчерпывается способом познания мира как объекта, но, в духе М. Хайдеггера, оно является центральным способом моего отношения к миру, обеспечивающим единство субъекта и объекта. Я действительно существую в этом мире, если я понимаю его в себе — и себя в нём. Если я не понимаю себя и не понимаю мира, то меня «как будто нет на свете», да и «света» не существует.

Инновации и повседневность. Вертикальный и горизонтальный диалоги

Творчество, как известно, представляет собой процесс производства новых значимых идей. Оно есть также фундаментальная форма коммуникации, пронизывающая все проявления человеческой активности, всю ткань социума, не сводясь только к институциональным формам — к художественным, научным или техническим инновациям.

² О противопоставлении «техник принуждения» и «техник себя» см.: Фуко М. *Забота о себе*. М., 1998.

Общество занимает по отношению к творчеству двойственную позицию. К признанным творцам прошлого всегда относятся с почтением и благоговением, как к героям. С высоких трибун народ призывают к инновационной активности. Однако люди, которые в подавляющем большинстве талантливы и способны к творчеству, почему-то не торопятся следовать за героизированными образцами новаторов. Те, к кому обращены такие призывы, интуитивно чувствуют, что «если вам пришла в голову новая идея, то вероятнее всего она принесёт вам неприятности»³. Объяснение этого странного факта, т.е. амбивалентного отношения к творчеству и к творцам, обычно сводится к «онтологической инертности» общества в духе концепта «тела без органов». Творчество в этом случае предстаёт, напротив, как обнаружение «машин желания»⁴, выявляющее свою негативную природу, — отрицательность, которая сродни понятию «ничто» в человеческом бытии.

Амбивалентное отношение к творчеству рационализуется прежде всего в сближении творчества и *безумия*. Античный образец такой квалификации мы находим в платоновском диалоге «Ион». Характерен также взгляд на творчество как на *преступление*. Наконец, негативность творчества может быть рационализирована как *дилетантизм*. Творец, совершивший наиболее значимые открытия или изобретения, как правило, «самоучка», — во всяком случае, в той сфере, где он предложил инновацию. Обвинения в безумии, преступлении и дилетантизме небеспочвенны. У новации нет другого пути, кроме как «переболеть» в этих формах изменение реальности. Сопротивление новому коренится в том, что новый творческий результат императивно — именем культурного и общественного прогресса — требует подчинения себе тех, кто находится в поле «старого». В творческом акте, в инновации скрыта воля к власти. За абстрактной и на первый взгляд «невинной» новизной всегда стоит выстраивание новой иерархии — новой социальной вертикали.

Глубинные истоки творчества лежат в отношениях человека с Абсолютом. Абсолют воспринимается как Творец, а активная роль человека состоит в том, что он должен и может сотрудничать с Высшим началом, споспешествуя его созидательной деятельности. Творчество, которое мыслится как со-трудничество с Абсолютом, встраивается в общую схему фундаментальной вертикали, отношения имманентного (Земли) с трансцендентным (Небом). Поэтому всякий творческий процесс по своей структуре предполагает «вертикальный диалог». В нём разделяются момент новизны, олицетворяемый новатором, и момент значимости, олицетворяемый консерватором, ответственным за стабильность бытия. Между этими полюсами и существует социум в качестве активного посредника. Творчество реализуется в «земной» иерархической структуре между социальными «верхами» и «низами». Таким образом, техники подчинения в традиционном обществе легитимируются

³ Бона Э. де. Рождение новой идеи. М., 1976.

⁴ См.: Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип. Екатеринбург, 2007.

сакрально. Но поскольку произошло расколдовывание мира, инновационная активность стала самоцелью. Сакральная, легитимирующая инновация в новоевропейском обществе профанируется как креативность, где связь с Абсолютом «вынесена за скобки».

Уже в традиционных обществах возникает установка на тотальную скриптизацию бытия — на его удвоение в письме. Предметная фиксированность слова в вертикальном творческом диалоге реализуется прежде всего как текст. Вертикальное общение «сверху вниз», будучи по сути *проповедью*, здесь застывает как текст официальный (Священные книги, свод законов, литературный текст, признанный классическим, и т.п.). Официальное письмо — это, по существу, сам язык, тезаурус, языковые нормы. Он всегда тиражирован, и само тиражирование выступает как свидетельство его священности. Официоз держит хорошую мину при любой игре. Его охраняют люди, которые «знают, как надо». Их *благоговение* — демонстративно-дидактическое, им неведомо чувство *стыда*⁵.

Чтобы быть воспринятым, официальный текст требует ответной духовной активности. Ответом на зов официоза оказываются *молитва* и *исповедь*⁶, которые дополняют проповедь и с подлинным благоговением осваивают официальный текст. «Душа жаждет себя, но она жаждет обрести себя в чём-то ином, а не в себе, в своём индивидуальном проявлении, она поэтому перед Богом отказывается от себя, чтобы найти в нём самоё себя и насладиться этим»⁷. Молитвенные и исповеднические тексты в своём развитом виде не публичны, а приватны. Они существуют каждый раз единично. Я делаю акцент на смысловой стороне вертикальных творческих диалогов, подразумевая в качестве передатчиков смысла текст. Однако эти смыслы могут быть выражены не только овеществлённым в языке словом. «Верхи» одаривают «низы» материально, «кормлениями» и т.п. вещными выражениями своей власти, вплоть до современного финансирования, спонсорства, «социологической пропаганды»

⁵ Соловьёв В. С. Оправдание добра. Нравственная философия. // Соловьёв В. С. Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 51 и далее. Здесь словам «стыд», «жалость» и «благоговение» придаётся категориальный смысл.

⁶ На кусок янтаря.

Из Саади

Червь ядовитый скрывался во мгле,
Чёрные думы таились во мне.
Червь, изгибаясь, землю сквернил,
Грех ненавистный мне душу тягчил.

Червь ядовитый облип янтарём,
Весело взоры почили на нём.
К небу подьему я очи с мольбой,
Грех обливаю горячей слезой.

В сердце взгляну я — там Божья печать,
Грех мой покрыла Творца благодать.

А. С. Хомяков.

⁷ Гегель Г. Ф. Лекции по эстетике. Книга третья. Соч.: В 14 т. Т. 14. М., 1958. С. 31.

и т. п. «Низы» отвечают «верхам» не только молитвой и исповедью, но и производительным трудом на общее благо, дарениями и даже готовностью отдать свою жизнь, принести себя в жертву. Все эти материальные знаки общения между «верхами» и «низами» также предстают по смыслу как «проповеди» и «исповеди».

Приватная жизнь в измерении повседневности конституирует *горизонтальное общение*, которое не укладывается в «вертикальный диалог». Она есть противовес как поучающему официозу проповеди, так и слезной молитве. Беседа (разговор равных) профанирует творческий порыв. Человеку необходимо рассказывать. Беседуя с равным себе, он подтверждает своё существование, преодолевает онтологический страх перед бытием, присваивая его как быт. Проговаривая, удваивая свою жизнь в речи к ближнему, человек уверяется в прочности своего жизнеустройства. Рассказанная жизнь становится не только не страшной, но и интересной. Чтобы самое банальное происшествие превратилось в приключение, достаточно его рассказать: «мгновения перестали наудачу громоздиться одно на другое, их подцепил конец истории, он притягивает их к себе...»⁸. Таким образом, в доверительных разговорах, в задушевной болтовне моя жизнь обретает смысл. Так бытийствуют дружба и любовь. Эта жизнь-в-болтовне ведёт к забвению творчества, всегда соотносящегося с фундаментальной вертикалью. Людям, достигшим счастья в горизонтали «повседневности прекрасной», не нужно творчество. Их бытие самодостаточно.

В письменных обществах горизонтальное общение застывает как эпистолярный текст. Личные письма, поскольку они возникли, предполагают нетиражируемость. Частная жизнь открывается в письме одному человеку: тому, которому я пишу, кому я открываю свои маленькие постыдные, но прекрасные в своей доверительности тайны. Бытийствование приватного «горизонтального» текста вызывает метафору наготы — более острую, чем в случае исповеди. Из приватного «горизонтального» письма формируется и специфический тип литературы — нарратив, не проповедующий, не исповедующийся, а *повествующий*, «как беседа воспитанного человека» (С. Моэм). Таким образом, творчество, понимаемое в самом широком смысле, «вмонтировано» в вертикальные диалоги между Абсолютом и человеком или, в социальном плане, между «верхами» и «низами». Оно всегда несёт в себе праздничное измерение выхода в трансцендентное — противоположность повседневности, благоустраивающей «тихое счастье» быта. Индивидуальность в горизонтальных диалогах остаётся на втором плане, впрочем, как и описанный выше вертикальный диалог делает акцент не столько на индивидуальности, сколько на «родовой сущности человека», способного к творчеству. Индивидуальность — либо жертва в прорыве к Абсолюту, либо средство для общезначимого всечеловеческого прогресса.

⁸ Сартр Ж. П. Тошнота / Сартр Ж. П. Стена. Избранные произведения. М., 1992. С. 51.

Точка дневника

Индивидуальность выходит на первое место в совершенно особом типе текста — в интимном дневнике, который даёт мне понимание себя. Место личного дневника в пересечении вертикальных и горизонтальных диалогов (и соответствующих им текстов) экстраординарно. Дневник не есть обращение к Богу, царю, секретарю парторганизации, Президенту или, напротив, к своему ребёнку, ученику, подчинённому, подданному. Он не претендует на творческий результат. Этот текст также не есть «застывшая» беседа с равным другим. В нём есть момент проповеди, но это проповедь самому себе, в нём есть момент исповеди, но это исповедь перед самим собой, в нём есть момент рассказа, но это рассказ самому себе. В чём, собственно, смысл странной процедуры ведения дневника? Оно начинается с эпифеномена технологии письма (наподобие известной надписи «Проба пера»). Философское осмысление ведения интимного дневника приводит к пониманию того, что дневник есть одна из форм генезиса индивидуальности. Потому каждый человек не только может, но и *обязан* так или иначе вести дневник. В этом проявляется непрменная особенность заботы о себе, по М. Фуко, «обязательства в отношении истины».

Растождествление себя с самим собой осуществляется в естественном эксцессе забывания. Установка на целостность своей индивидуальности властно требует каждый раз «открывать» себя заново. Общение с самим собой есть преодоление забывания себя. Другой-из-меня возникает ближайшим образом подобно даймону Сократа, который говорит в моём дневнике, обращаясь ко мне во втором лице. Оказавшись отсоединённым, дистанцированным от социума, от вертикальных и горизонтальных диалогов, в дневниковом нарративе я устремляюсь вглубь — так я обретаю обращённую к сути бытия «фундаментальную сознательную решимость» (М. Хайдеггер). Дневник создан «центростремительными» силами, стягивающими общение в точку моего «Я». Внутри дневника в то же время постоянно присутствуют и «центробежные» силы. Моё «Я», обнаружив себя собранным в точке дневника, тяготеет к выходу из неё — влечётся к тому, например, чтобы в том или ином виде опубликовать дневник. В итоге получается некоторый мерцающий — то расширяющийся, то сужающийся — «меловой круг», отграниченная область, в которой становящаяся субъективность ограждает себя от суггестии социума, черпая в то же время в нём энергию. Дневник есть изготовленное самим индивидом «зеркало микрокосма», с помощью которого осуществляется «познание самого себя», базовый философский ритуал.

Человек, прочно идентифицированный в социуме, не философствует и не пишет дневников. А если и делает это, то «не всерьёз» (пример — «Дневник одного гения» С. Дали). «Дневник всерьёз» есть реакция на обособление, на разрыв социальных связей, как вертикальных, так и горизонтальных: проповедь сделалась отвратительной мне своим лицемерием, молиться и каяться я больше не могу, вытащить счастли-

вый билет в лотерею инноваций, т.е. добиться социальной признанности, у меня не получилось. Нет любимой, нет друга, с которыми можно было бы «просто поболтать». (Или они *как бы* и есть, но — «не поймут». «О друзья, нет друга!») Игла невыносимости мучает меня: в переживании онтологической тоски я стремлюсь обрести смысл своего бытия — «состояться». Вот тогда я открываю чистую тетрадь и... начинаю дневник⁹. В письме себе о самом себе, избегая посредничества «значимых других», я *хотел бы* понять, что со мной происходит, — что я есть такое в горизонте всеобщего. Я надеюсь, что в инсайте дневникового текста может произойти чудо самопонимания, обретения смысла. Словом, здесь возникает движение в сторону самостояния как самосознания. Акт самосознания как эксцесса по существу тоже творческой природы. А поскольку этот эксцесс самосознания связан с предельными основаниями бытия, постольку творчество здесь — самой высокой пробы.

Двойственное отношение к дневнику

Личный дневник есть, с одной стороны, форма легитимной индивидуальной активности. Технике дневника учат начиная со школы, где вырабатывается система навыков, создаётся некий «стеллаж»¹⁰ для индивидуальности. На этой основе, с другой стороны, возникает спонтанная активность рефлексии. Человек заносит сегодняшнее число в чистую тетрадь неустановленного образца, в которой не требуется подпись классного руководителя и родителей, и выскальзывает из-под сени легитимности. Дневник превращается в интимный. Он предстаёт как удостоверение не только в определении, но и в самоопределении человека. Школьная технология самоорганизации, «персонального тайм-менеджмента» оказывается в зоне бесцельной целесообразности — превращается в самоценность, где средства и цели меняются местами, а в итоге вообще теряют смысл.

Социальные санкции не заставляют себя ждать. Казалось бы, совершенно безобидное занятие дневником — вдруг! — вызывает иронию, насмешки и т.п. Сознаться в том, что ведёшь дневник, всегда непросто. Коллектив, исподволь сопротивляясь интимности дневника как чему-то такому, где заканчивается его, коллектива, юрисдикция, окутывает его аурой пренебрежения и лицемерных жалеющих улыбок. Рационализация этого пренебрежения сводится к тому, что личный дневник есть свидетельство интеллектуальной слабости. Мол, дневник свидетельствует о несовершенстве памяти, неспособности решать свои жизненные проблемы

⁹ «... буду жить не так, как пьют стакан воды, а как с напряжённым вниманием дегустируют сложный букет неповторимо богатого вина». (Луначарский А. В. Предисловие // Пруст М. В поисках утраченного времени. Л., 1934. С. 7–8).

¹⁰ Техника здесь раскрывается как хайдеггеровское «das Gestell», которое В. В. Библихин перевел неологизмом «постав», но в данном случае лучше бы перевести его как «стеллаж». См.: Heidegger M. Die Technik und die Kehre. Tübingen, 1962.

«в уме». Потому-де некоторые люди записывают мелочи своей жизни, копошатся в них и таким образом пытаются преодолеть жалкую ситуативность своего поведения. Дневник — это занятие для неопытных девушек, которые в пубертатный период не обладают ещё достаточной культурой чувств — не могут справиться с внезапно застигнувшей их биологической перестройкой организма. Они бросаются к дневнику, чтобы не впасть в постыдную истерику. Так уж и быть: интимный дневник допустим в качестве дидактического упражнения, относящегося к «юности мятежной», но это сомнительное занятие для зрелых женщин, ответственных за семью, и тем более — для серьёзных, активных, деловых мужчин. Последним должно хватать органайзера или электронной почты в компьютере. «Горе несчастному, который наслаждается жизнью, копаясь в глубинах своего существа»¹¹, — вместо того чтобы заниматься государственными, общественными делами, положим, отслеживать международную обстановку по газетам, высказывая своё взвешенное суждение в кругу «значимых других». В самом факте дневникового письма человек невольно становится в оппозицию к обществу, обнаруживает свою независимость по отношению к нему. Подлинный дневник — занятие тайное. Люди неохотно признаются в ведении дневников и редко их публикуют. Но — о похвала человеческой непоследовательности! — несмотря на насмешки и иронию окружающих, люди снова и снова открывают дневниковые тетради и делают там потаённые записи.

Дневник: технология и артефакт

Дневник обнаруживается как технология, ибо он прежде всего предполагает закреплённость в определённой «вещи» — тетради. Но самая существенная «технологичность» не в этом. В горизонте новоевропейской цивилизации пафос технологии состоит по преимуществу в том, что она открывает возможность упразднения напряжения. Облегчается не только физическое, но и умственное усилие. Каждый без труда может нажать на кнопку, чтобы включить стиральную машину; каждый без труда может открыть чистую тетрадь и начать дневниковую запись. Стиральная машина экономит физические усилия, дневник в определённом смысле «экономит» умственные усилия хотя бы в том смысле, что я не должен держать в памяти те обстоятельства, которые со мной приключаются. Право на дневник имеет любой, ибо это манифестация, опредмечивание естественного права на индивидуальность. Дневник превращается в артефакт, т.е. в такое «техническое средство» в широком смысле, у которого исходные цели забыты. Потеряв свою целерациональную определённость, дневниковый текст обретает нечто большее, а именно — «Entbergen»¹², «обнаружение» сути бытия. С одной стороны, дневник — это действие,

¹¹ Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 223.

¹² Heidegger M. Die Technik und die Kehre. Tübingen, 1962. S. 12.

совершаемое на материале общепринятого языка. С другой стороны, это экзистенциальный текст, генезис субъективности, момент фундаментального уединения-одинокства¹³.

Собственная жизнь дневника как артефакта ведёт к тому, что дневник сам «имеет право» на место в бытии, становится точкой отсчёта — центром системы координат. «Мой» дневник заявляет свои права на меня самого: не только я веду дневник, но и дневник ведёт меня¹⁴. Я — собственность этого текста, а не только он — моя собственность. Если, по слову Т. Адорно, книга в доме напоминает кошку, не вполне одомашненное животное, то что же за таинственное, подчас страшное, неуправляемое «животное» в моём доме представляет собой дневник!? С одной стороны, ведение дневника — это внецельная экспрессивная деятельность. Дневник есть след аффективного поступка, который не только манифестирует негативную свободу, но и закрепляет её в самой непоправимости физического действия. С другой стороны, раз возникнув, став необратимым фактом реальности, он постепенно вмысливает в себя, кроме органичной для него задачи («не забывать», в концентрированной обозримой форме формулировать самую суть моей жизни¹⁵), внешние цели. В процессе укоренения в своей вещиности и сопровождающей его рационализации дневник превращается в «лабораторный журнал» и лежит в основе всякой научной публикации о наблюдении и эксперименте. В процессе рационализации и профанации ауторerefлексия в своём философском измерении («Познай самого себя») забыта. Дневник — средство для того, чтобы «извлекать уроки из своей жизни», «добиться успеха», «разбогатеть», «покорить женщину» и т.д.¹⁶ Это путь отчуждения заботы о себе. В отчуждённом дневнике обнаруживается интенция формы самонадзора и самоэксплуатации.

Дневник проделывает путь от непосредственного внутреннего общения с самим собой к внелитературному тексту и, будучи вставлен в рамку и приобретая эстетическое измерение, к литературе. Приватный дневник

¹³ «Его представление о счастье. Всю жизнь спокойно читать и писать, никогда никому не показывая ни слова из написанного, никогда ничего из этого не публикуя. Всё это для себя написанное оставлять в карандаше, ничего не изменяя, будто всё это — так, ни для чего, как естественное течение жизни, которая не служит никаким ограничивающим и обедняющим целям, а вся целиком является собственной целью и так записывает себя, как ходят и дышат, — сама собою» (*Канетти Э.* Заметки. 1942–1972 // *Человек нашего столетия.* М., 1990. С. 287–288).

¹⁴ «Моя книга в такой же степени создана мной, в какой я сам создан моей книгой. Это — книга, неотделимая от своего автора, книга, составлявшая моё основное занятие...» (*Монтень М.* Опыты. Кн. 2. М., 1991. С. 593).

¹⁵ Дневник буквально реализует четвёртое правило из декартовских «Главных правил метода»: «делать всюду настолько полные перечни и такие обзоры, чтобы быть уверенным, что ничего не пропущено» (*Декарт Р.* Рассуждение о методе, чтобы хорошо направлять свой разум и отыскивать истину в науках. С приложениями диоптрика, метеоры, геометрия. М., 1953. С. 23).

¹⁶ «Я вёл дневник, записывая в нём мысли, которым я следовал при принятии своих решений, и делал это по мере хода событий, т.е. в реальном времени» (*Сорос Дж.* Алхимия финансов. М., 1996. С. 28. Далее описывается, как этот известный финансист овладевал временем биржи с помощью дневника).

ковый текст делается публичным. Так нагота, опубликованная в художественном, эротическом или медицинском журнале, уже перестаёт быть собственно наготой. Однако публикации дневников великих людей полезны. Они значимы в качестве культурных образцов для личностно-интимного текста рядового человека. Так же, как нагота проступает под одеждой, так и во всех других текстах изнутри проступает дневник. Его можно уподобить «стволовым клеткам». Все тексты оказываются соотносительными с дневником. Он стягивает в точку микрокосма многообразие коммуникаций и становится ключевым моментом для генезиса текстов. Это обстоятельство Л. Н. Толстой сформулировал как своеобразную литературную утопию: «Идея писать по разным книгам весьма странная. Гораздо лучше писать всё в дневник, который... составлял для меня литературный труд, а для других может составить приятное чтение»¹⁷.

Хронотоп дневника

Дневник — феномен темпоральный, он очерчивает арену борьбы с временем, «распрямляя» его стрелу, редуцируя его к пространству текста. Ритм души, обретая поступательность благодаря своей текстовой зафиксированности развёртывается в «подённых записках» как противоположность и единство «день — ночь»¹⁸. Достигая отсроченности во времени, дневник разрывает «стимул» и «реакцию», создавая «дырку в бытие», даёт задержку ответа Другому, «дрессирует» эмоциональное, выпуская эмоцию в загон текста, а затем набрасывая на неё рациональную узду. В дневнике сталкиваются индивидуальное, душевное, и внешнее, общественно-политическое. Индивидуальные события духовной жизни переживаются и фиксируются в их сравнении со всемирно-историческими, «роковыми» минутами истории. З. Гиппиус в своих дневниках Октябрьский переворот едва замечает.

¹⁷ Л. Н. Толстой, дневниковая запись от 22.10.1853 г. Цит. по: Шкловский В. Энергия заблуждения. Избранное в 2 т. Т. 2. М., 1983. С. 350.

¹⁸ См. стихотворение А. С. Пушкина:

Когда для смертного умолкнет шумный день,
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья;
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слёзы лью,
Но строк печальных не смываю.

Так же и я практически не заметил в своих дневниках катастрофу распада СССР в 1991 году. Дневники оказываются «плохими» историческими книгами, но только в том смысле, что они глухи к «историцизму». Если исходить из логики хайдеггеровского противопоставления историцизма и подлинного историзма, то инновационная активность вертикальных диалогов в конечном счёте как раз обнаруживает тенденцию быть в плену историцизма, в то время как дневник выступает условием возможности подлинного историзма *Dasein*. «Творческие экстазы» инноваторов, находясь в мороке историцизма, по большому счёту чаще всего оказываются пустой суетой. Дневник, ничего не гарантируя, указывает нам в сторону подлинного и вечного, в то время как институционализируемая инновационная деятельность склонна сползать к суетности сиюминутного «нового».

С пространством языка дневник вступает в серьёзные конфликты. Потому дневник всегда тайнопись. Формой существования дневникового текста может быть или непонятный ближним иностранный язык, или искусственно изобретённый шифр, как у Леонардо да Винчи. Суть другого языка в дневнике состоит не только в том, чтобы оградить свою запись от ближних или любопытных. Другой язык и самому автору дневника позволяет посмотреть на привычный мир в ином ракурсе. Так или иначе, пространство дневника закрыто — потаённое письмо дневника окутано стыдом, как и некоторые другие весьма существенные для человеческой жизни сферы. Господствующий язык, создаваемый в официозах проповеди, задавая поля диалогов, господствует и в исповеди, и даже — в качестве соглядатая — в задушевной болтовне влюблённых. Так, русский язык революционного времени внутри самого себя содержал коммунистическую идеологию¹⁹.

Язык — это сила, которая заставляет писать «некоторые вещи» самому себе, а «некоторые вещи» написать вообще не позволяет. Но в дневнике автоматизм письма ставится под вопрос в наибольшей степени. Поэтому именно дневник превращается в ристалище борьбы с языком. Наедине с собой человек отваживается высказать несказуемое, по крайней мере, поставить в кавычки «очевидное», и молчать о том, что «говорят все». В любых условиях дневник открывает путь к тому, «чтобы найти свою самость, вернуться к согласию с собой, уяснить, каково наше искреннее отношение к каждой и любой вещи. Не важно, каким это отношение может быть — мудрым или глупым, позитивным или негативным. Важно, чтобы каждый человек в каждом случае думал то, что он действительно думает»²⁰. Дневник оказывается технологией, которая позволяет попы-

¹⁹ Как сказал о русском языке того времени в Предисловии к «Котловану» А. Платонова И. Бродский: «... Платонов говорит о нации, ставшей в некотором роде жертвой своего языка, а точнее — о самом языке, оказавшемся способным породить фиктивный мир и впавшем от него в грамматическую зависимость... поэтому Платонов непереводим и, до известной степени, благо тому языку, на который он переведён быть не может» (Preface by Joseph Brodsky to: *Andrei Platonov*. The Foundation pit. A bi-lingual edition. English translation by Thomas P. Whiney. Copyright 1973 by J. Brodsky and Ardis Publishers. P. 164–165).

²⁰ *Ortega-y-Gasset J. Man and Crisis*. N. Y., 1958. P. 76.

таться, вне зависимости от таланта и гражданской смелости, подумать то, что я действительно думаю.

Уединение — необходимый момент духовного сосредоточения. Благостное одиночество может быть достигнуто уходом. Келья, высокая гора, убежище, деревня (как у Пушкина) противопоставляются агоре, университетской аудитории, казённому дому, царскому двору. Дневник — это духовная техника обособления, создание мной самим моего индивидуального пространства. Между «своей комнатой» и «чистой тетрадью», предназначенной для дневника, есть глубинная близость. Сколь бы ни было перенаселено физическое пространство, дневник открывает каждому бесконечность пространства духовного. Он позволяет дистанцироваться по отношению к социуму, уйти из принудительного социального хронотопа с помощью самим собой создаваемого текста. В дневнике индивидуальное пространство-время нарративно творится и противопоставляется публичному пространству-времени, задаваемому средствами массовой информации. Дневник вступает в смертный бой с телевидением и газетами, с радио и с интернетными новостями. Причём если без дневника поединок человека со СМИ безнадежен, то эта скромная тетрабочка даёт шанс в безнадежной борьбе, где уж в который раз на протяжении цивилизованной истории человечества «телёнок бодается с дубом».

Уединение, необходимое для сосредоточенной духовной жизни, для подлинного творчества достигается духовным напряжением, которое облегчается с помощью техники дневниковой тетради. Уже не обязательно включать телевизор, если ты почувствовал себя одиноким. Правда, и противник не стоит на месте. Социум изыскивает всё новые и новые пути проникновения в мир субъективности (скажем, с помощью телевидения или Интернета, особенно блогов, которые кажутся такими искренними, такими «настоящими»). Но верность дневнику, даже в грохоте современной цивилизации, снова и снова позволяет восстанавливать возвышенную тишину — возвращаться к самому себе.

Дневник и тоталитарный режим

Отношение коллектива ближних к личному дневнику всегда по меньшей мере настороженное. Тоталитарный режим относится к нему просто враждебно. В «1984» Дж. Оруэлла даже чистая тетрадь запрещена — как потенциальный дневник. В тоталитарном мире дневник оказывается либо разглашением государственной тайны (на Байконуре личные дневники были запрещены, но этот запрет постоянно нарушался), либо доносом на самого себя (гуманизация позднего советского общества началась, в частности, с того, что дневники перестали быть материалом возможного обвинения для КГБ). Не только казённо-транспарентная структура общества, но и сам новояз как будто делают ведение дневника невозможным, но несмотря ни на что, дневник всё-таки состоится! В нём обнаружи-

вает себя фундаментальная духовная стихия заботы о себе — стремления к истине, которая, как росток, пробивающий асфальт, преодолевает любые тоталитарные запреты.

Возникает вопрос о личных дневниках политических лидеров XX века. Некоторые публицисты в советское время пытались реконструировать на основе громадного корпуса интеллектуальной продукции В. И. Ленина его *автобиографию*, но по существу тщетно. Ленин, охотно, особенно в молодости, конспектировавший и оставивший множество черновиков, тем не менее относился к тем людям, которым классическое дневниковое письмо было совершенно не свойственно. К субъективности дневникового дискурса не располагал сам тип деятельности, который был характерен для вождя русской революции. Но среди великих лидеров XX века есть и другие образцы. Перечисляя личные вещи М. Ганди, указывают набедренную повязку, сандалии, плевательницу и... дневник. Само это перечисление, где отсутствуют книги, перечисление, ставящее дневник рядом с плевательницей, вызывает ироническую улыбку и ещё раз подчёркивает амбивалентность дневника. Ясно, однако, что духовный лидер, делающий акцент на формировании образцов духовной жизни, фундаментально отличается от лидера, который видит ключ к решению проблем своей страны и всего мира в создании новой технической действительности. Дневник также представляет собой технологию, но она лежит в иной плоскости бытия. Дневник есть вещное обнаружение необоримого самостояния индивидуальной души, он неискореним в любом обществе и вселяет фундаментальную онтологическую Надежду.

Дневник в нашем Отечестве. Заключение

Посмотрим с точки зрения концепта личного дневника на проблемы нашего Отечества. Подчас кажется, что нам «не везёт с начальством». Мол, были бы другие лидеры в русском XX веке, и страна развивалась бы совершенно иначе²¹. Или всё дело в восточноевропейском климате, откуда наша неистребимая бедность²². Я полагаю, что дело не в нашей «бедности», не в нашей «лени», не в климате и не в «демонических» лидерах XX века. Всё это можно было бы преодолеть, если бы народ научился быть действительно свободным. Оказалось, что свободу нельзя «завоевать» снизу

²¹ См. романную тетралогия Марка Алданова «Ключ», «Бегство», «Пещера», «Самоубийство». Мол, Ленин погубил Россию: «когда Ленин умер, половина человечества рыдала по нему, но надо было рыдать, когда он родился».

²² «Беспашенный период, когда в поле нельзя вести полевые работы, длится в средней полосе России 7 месяцев. ...В таких европейских странах как Англия и Франция беспашенный период охватывает всего два месяца (декабрь и январь). ...Объём совокупного прибавочного продукта в Восточной Европе был всегда сравнительно меньше, а условия для его создания существенно труднее, чем в большинстве западноевропейских стран. ...Это объективная закономерность, которую человечество не в состоянии преодолеть» (Милов Л. В. Особенности исторического процесса в России // Вестник РАН. 2003. Т. 73. № 9. С. 771, 778).

кровью и насилием. Всякое завоевание свободы чревато новым рабством, причём в первую очередь для самих завоевателей. Советский период нашей истории продемонстрировал это со всей наглядностью. Свободу нельзя «даровать» свыше, как показал постсоветский период. На нашей памяти нам «даровали свободу» в идеологии, в политике, в экономике — всюду, где можно и где нельзя. Оказалось, что таким даром народ не может воспользоваться. Где же выход?

Для начала необходимо всерьёз вспомнить о своей культуре, актуализировать её: «Восстань, И пробудись от сна, И услышь глаголы познания, И вспомни, что царский ты сын! Рабское принял ты иго; Вспомни о ризе своей златотканой...»²³. Наше спасение в длительном, кропотливом, сложном деле формирования индивидуальностей — личностей, способных к автономному самостоянию. Только подлинная свобода может быть условием возможности неотчуждённого творчества, которое не превращается в безудержное продуцирование техник подчинения. Причём в этом деле нельзя надеяться на сложившийся социальный институт образования. Он в какой-то мере может только помочь, как, впрочем, и помешать. Подлинная социальная свобода творится через культурную и духовную свободу индивида — в фукианской «заботе о себе», в рефлексивном творчестве индивидуальной души. Вот здесь и оказывается, как я полагаю, незаменимой культура личного дневника, позволяющая медленно, но неотвратимо сформировать «технология» подлинной свободы. Разумеется, дневник не панацея, он только один из моментов в формировании новой русской духовности, но момент совершенно необходимый.

Дневник, для которого интимность и тайна органичны, есть одна из важнейших техник свободы²⁴. Он даёт — ничего не гарантируя! — надежду прорваться к подлинному бытию, как индивидуальному, так и национальному. В пространстве тишины и молчания, создаваемом с помощью дневникового текста, противостоящего разнузданным воплям средств массовой информации, рождается возможность глубинного единства подлинной истории и индивидуальной судьбы — того историзма, который имел в виду М. Хайдеггер. Роль дневника в западной позитивистски ориентированной и торопящейся цивилизации такова же, какова и роль философии, отношение к которой столь же двойственное, как и к дневнику. Если мы действительно признаем роль философии в национальной культуре, то должны признать на уровне каждой индивидуальности и роль дневника. Созданный мною самим Другой-из-себя «вбирает в себя», создаёт инвариант отношения к Другому — высокой и осмысленной любви к Другому. Здесь осуществляется возможность подлинного творчества, не отчуждающегося в превращённых формах «техник подчинения».

²³ Деяния апостола Фомы. Цит. по: *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977. С. 79.

²⁴ А. Блок: «Пушкин! Тайную свободу/Пели мы вослед тебе!/Дай нам руку в непогоду./Помоги в немой борьбе!».